

После описываемых событий. Тюрьма Бовуд

5 ноября 2019 г.

Дорогая Хелен,

Знаю, ты просила меня больше не писать. Но я должен рассказать тебе всю правду, даже если и сейчас, по прошествии времени, ты по-прежнему не желаешь ее слышать. Что ты делала в тот день, после того, как меня увели из зала суда? После того, как прозвучал удар молотка, все встали, шурша шелковыми и хлопчатобумажными одеж- дами. Я высматривал тебя, хотел найти твое лицо. Когда же мой взгляд упал на голубую клетку твоего пальто и я увидел, что ты смотришь в пол, мне стало ясно как божий день — назад пути нет.

Помнишь, какая звенящая тишина воцарилась в зале, когда меня повели прочь? Безмолвие нарушал лишь звук моих шагов. Я часто думаю, что же ты делала потом, после того, как меня запихнули в тот фургон без окон. Куда по- шла, что ела. С кем разговаривала. Что происходило в тво- ей жизни после того, как меня выдернули из нее.

Когда я думаю о тебе, а это бывает довольно часто, в мо- ем воображении ты всегда стоишь в кухне: с кружкой в ру- ках, смотришь в окно на свой сад. Порой я закрываю глаза, чтобы твой образ вырисовывался более отчетливо. На тебе зеленый свитер, волосы скручены в узел на макушке.

На стенах — живописные творения твоих родителей, над стеклянными дверями — трещина, на столе, где обычно стоят бутылки с растительным маслом и уксусом, — лужицы света. Картина всегда одна и та же, как я ее помню. На ветвях твоей магнолии поют птицы? А розы цветут? В моих грезах и птицы поют, и розы цветут. Надеюсь, что это так.

На мой взгляд, труднее всего здесь привыкнуть к тюремной пище. Вилки пластмассовые. Когда пытаешься воткнуть их в куски серого мяса, в твердые комья пюре из картофельной муки, они ломаются. Бывает, надзиратели, если попросишь, дают на замену другую вилку, а бывает, и нет. Тогда приходится есть руками. Это, конечно, ерунда, но когда вся жизнь, как в моем случае, ужимается до размеров камеры, мелочи начинают приобретать большую значимость, чем это приемлемо.

Порой мне даже не верится, что я действительно нахожусь здесь. Опасный, неблагонадежный тип. С другой стороны, никто ведь не считает себя плохим, верно? Какими бы мы ни были, что бы ни совершили. У каждого на то есть свои причины. Если б кто-то согласился их выслушать...

Возможно, ты не станешь читать мое письмо. Порвешь его, едва увидев штемпель. Порвешь и бросишь в огонь. Хотя маловероятно. Ты всегда была слишком любопытна, не так ли, Хелен? Не могла устоять перед соблазном вскрыть запечатанный конверт. Если бы не эта твоя слабость, может быть, все сложилось бы иначе.

Не пойми меня неправильно. Я тебя не виню. Как бы ты ни поступила, ты не заслужила того, что приключилось потом. Надеюсь, ты понимаешь — я не хотел, чтобы в конечном итоге получилось так, как вышло. Наверное, я просто потерял контроль над собой. В последнее время мысленно я пытаюсь отмотать время назад, вернуться по своим следам. Пытаюсь определить, с чего все началось, в какой момент возник перекосяк. И мне кажется, случилось

Гринвич-парк

это за годы до того, как ты вообще почувствовала неладное.

Догадывалась ли ты в ту пору, когда не без твоего участия этому был дан толчок, что в итоге будет знаменовать тот день? Не сердись, но мне всегда казалось, что в твоей памяти он трансформировался в некую фантазию. Однажды, когда ты вспоминала те события, я чуть было даже не спросил тебя об этом. Так ли это было *на самом деле*? Солнце грело, трава благоухала? Ты уверена, Хелен? Уверена?

Понимала ли ты тогда, что те твои яркие воспоминания своим совершенством могут навечно погубить тебя? Что они затмят многое другое?

Надеюсь, что нет. Надеюсь, тогда ты не сознавала, что так, как было, уже никогда не будет, невзирая на все твои усилия. И я рад, что ты не знала правду о том дне. Наверное, я надеялся, что ты так и будешь пребывать в неведении.

Но теперь, Хелен, ты должна это узнать. Прочти мою исповедь.

Срок: 24 недели

ХЕЛЕН

По лестнице, застеленной ковровой дорожкой с пивными пятнами, я поднимаюсь к двери, к которой скотчем прикреплена табличка с надписью «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД ПОМОЩИ БУДУЩИМ РОДИТЕЛЯМ». Дверная ручка, кажется, отвалится, если повернуть ее слишком резко. В самом помещении полукругом расставлены стулья. Офисный мольберт с отрывными листами. Столики, на них — сок и печенье. Подъемные окна наглухо закрыты.

Три пары уже здесь. Среди них я словно белая ворона — пришла без партнера. Мы обмениваемся вежливыми улыбками, сидим молча — для светской беседы обстановка неподходящая, слишком жарко и неудобно. Один из мужей, бородач, пытается открыть окно, но после нескольких тщетных попыток обреченно пожимает плечами и снова усаживается на место. Я улыбкой выражаю ему сочувствие, обмахиваясь брошюрой с рекомендациями по оказанию первой помощи младенцам, которую нашла на одном из стульев. Мы покачиваемся, как задетые шаром кегли в боулинге. Морщась, выгибаем спины, раздвигаем колени, на которых лежат наши раздутые животы.

Приходят другие пары. Я смотрю на настенные часы. Половина седьмого. Где же они? Не свожу глаз с телефона, ожидая ответа на свои сообщения. Никто не отвечает.

Гринвич-парк

Чтобы быть здесь вовремя, я пораньше ушла с работы. Впрочем, ушла не я одна. Уже несколько дней у нас не работают кондиционеры. Так что сегодня к полудню офис был уже наполовину пуст. Лишь на отдельных столах вяло жужжали вентиляторы, обдувая раскрасневшиеся лица немолодых мужчин.

Я выключила компьютер, взяла свою сумку и посмотрела на Тома. Тот горбился с телефоном в руке, третий раз за день звонил коммунальщикам, жалуясь на жару в помещении. Пытаясь привлечь его внимание, я робко помахала ему, но он не отреагировал. Лишь искоса глянул на мой живот, по-прежнему прижимая к уху телефон. Видимо, забыл, что это мой последний рабочий день.

Не желая медленно задыхаться в душном метро, я решила пройтись пешком. Солнце слепило. Жар, поднимающийся от раскаленных тротуаров и наземных пешеходных переходов, превращался в марево, мерцавшее между автомобилями и автобусами. Потные водители раздраженно сигналили. Все только и говорили о нещадном зное. Никто не помнил столь жаркого лета. Нам постоянно твердили, чтобы на улице мы держались теневой стороны и носили с собой бутылки воды. Дождя не было несколько недель. Магазины в небывалых количествах распродавали вентиляторы, лед, садовые зонтики. Ходили слухи, что будет введен запрет на использование шлангов для полива.

Я решила срезать путь через парк, лежащий между зданиями Гринвичской обсерватории и Военно-морского колледжа. Прозрачная дымка смягчала очертания всего вокруг. На желтеющей траве тут и там отдыхали, скинув обувь и ослабив узлы галстуков, работники близлежащих офисов. В темных очках, они потягивали из банок джинс с тоником и ели чипсы, довольно громко переговариваясь между собой, как это обычно свойственно подвыпившим людям. Ощущение было такое, что я иду мимо участников вечеринки, на которую меня не пригласили. Мне при-

шло напоминать себе, что пялиться на них неприлично. Но не смотреть на счастливых людей очень трудно. Они буквально приковывают взгляд.

Тем летом, когда мы выпускались из Кембриджа, тоже стояла несусветная жара, и мы вчетвером частенько плавали на лодке по реке. Мы с Сереной загорали. Рори управлял шестом. Дэниэл, красный как рак — его светлая кожа быстро обгорала на солнце, занимался напитками. Причаливая к берегу, мы сразу прятались под сенью плакучих ив. На небе ни облачка, на прозрачной поверхности реки Кем плясали солнечные блики. Тогда казалось, что лето будет длиться вечно. Но оно, разумеется, закончилось, и я испугалась, что мы утратим былую близость. Не тут-то было. Рори и Серена тоже поселились в Гринвиче, по другую сторону парка. Дэниэл стал работать вместе с Рори в нашей семейной компании. А вскоре с разницей в две недели появятся на свет наши дети.

Приходит и ведущая. Ставит у маркерной доски на пол сумку и пакеты «Tesco». Дверь оставляет открытой, подперев ее скрученной подставкой под бокал с пивом. Затем на клейком листочке зеленым маркером выводит «СОНЯ» и прилепляет его к себе на грудь. У Сони длинная коса почти до пояса, правда растрепанная.

— Ну что, приступим? — говорит она. И начинает лекцию — заученный монолог о схватках, облегчении боли и кесаревом сечении. Одно ее веко подергивается, когда она касается каких-то пикантных подробностей, о которых не принято говорить вслух. Время от времени Соня вынуждена повышать голос, чтобы перекричать грохот кастрюль и сковородок или бранные возгласы, доносящиеся с кухни паба на нижнем этаже

Через несколько минут после начала лекции я снова смотрю на свой телефон, Экран сверкнул: поступило сообщение. Открываю. Дэниэл пишет: «Встреча только-только закончилась. Теперь еду домой. Поезд прибывает в 10».

Гринвич-парк

И дальше о том, как он ужасно расстроен и сожалеет, что не успевает приехать на занятие, но он обязательно загладит свою вину передо мной.

Я знаю, что мой муж был бы здесь, если б мог, что он страшно огорчен из-за того, что подвел меня. Что ему пришлось задержаться из-за важной встречи, которую назначили буквально в последний момент. И в то же время, хочу я того или нет, меня гложет разочарование. Я с волнением ждала этих занятий, надеялась, что мы будем посещать их вместе, как и положено образцовым супругам, готовящимся стать родителями.

Соня достает из пакета учебные пособия — щипцы, вакуум-экстрактор, вязаные накладки для сосков, женскую матку, из которой она выдавливает одетого пластмассового младенца. В глазах мужчин застывает ужас, на потных лицах женщин — страх. Мы пускаем эти предметы по кругу, силясь храбро улыбаться друг другу.

Стулья слева от меня по-прежнему не заняты. Бородач вынужден тянуться через них, чтобы передать мне экспонаты. Я бросаю взгляд на пустые сиденья. На них — ярлыки с именами Рори и Серены, которые я сама написала. Хотя бы эти двое ведь должны быть здесь, составить мне компанию, чтобы мне не было так одиноко. А теперь я чувствую себя полной дурой, будто специально выдумала двух своих друзей. Могло ли случиться так, что Серена просто забыла?

Тут приходит еще одна эсэмэска. От Серены. У меня сжимается сердце. Еще не открыв сообщения, в глубине души я наверняка знаю, что прочту в нем.

Хелен, привет! Я помню, что сегодня первое занятие для будущих родителей, но решила, что мы с Рори все-таки его пропустим. Надеюсь, ты не в обиде. Просто я порылась в Интернете и нашла другие курсы — шикарные курсы для беременных, которые мне больше по вкусу. Там меньше нра-

воучительной болтологии, к тому же занятия проводятся в органической пекарне. Пожалуй, попробую походить туда. Прости, что не предупредила заранее. Не скучай!

Соня что-то пишет красным маркером на доске.

— Итак, что вам известно о кормлении грудью?

Я стараюсь сосредоточиться на обсуждении темы грудного вскармливания. Оно протекает вяло. Большинство мамочек смотрят в пол. Одна бормочет что-то о том, как нужно прикладывать младенца к груди; еще одна сообщает, что ее подруга хранит грудное молоко в холодильнике.

— Больше никто не желает высказаться? — Соня снижает голос. На ее футболке в области подмышек расплываются полукруглые пятна пота.

И в этот самый момент в комнату входит девушка. Она с грохотом захлопывает за собой дверь. Соня морщится.

— Вот блин. Извините, простите, — громко произносит вновьприбывшая. Она стряхивает с плеча рюкзак золотого цвета и бросает его на пол. Тот с глухим стуком бухается почти у самой моей ноги. — Опа! — широко улыбается девушка, держа на животе ладонь.

К ней прикованы взгляды всех присутствующих. Соня у доски, держа на весу руку с красным маркером, холодно взирает на опоздавшую. Пока она сделала всего две записи: «ПРАВИЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ (СОСОК)» и «ХРАНЕНИЕ В ХОЛОДИЛЬНИКЕ».

— Занято? — спрашивает новенькая, пальцем показывая на стул возле меня, который я занимала для Серены. Ногти девушки покрыты фиолетовым лаком.

Чуть помедлив, я качаю головой. Под взглядами остальных слушателей убираю со стульев неиспользованные бейджики, переставляю свои сумки на другую сторону и со скрежетом чуть отодвигаюсь на стуле — чтобы места было больше.

— Ну, кто еще? — со вздохом спрашивает Соня.

Гринвич-парк

Следующие несколько минут она упорно пытается расшевелить слушателей. Женщины начинают елозить на стульях, смущенно переглядываются, вскидывая брови. Я стараюсь сосредоточиться. Моя соседка, опоздавшая, жует жвачку. Мне кажется, кроме ее чавканья я больше ничего не слышу. Искоса посмотрев на девушку, я замечаю у нее во рту яркий розовый комочек с ароматом искусственного вишневого красителя. Она перехватывает мой взгляд и снова улыбается, словно присутствует на уморительном представлении. Наконец Соня сдается.

— Ладно, — говорит она, тыльной стороной руки отирая со лба испарину. — Сделаем короткий перерыв?

По комнате прокатывается одобрителный ропот. Женщины вперевалку идут к графинам с соками. Я быстро следую за ними. Вскоре они разбиваются на группы, отовсюду слышится болтовня. Я стою в стороне одна. Меня охватывает паника. Ни Дэниэла, ни Рори, ни Серены. Как вообще люди знакомятся? Как поступила бы Серена?

Я топчусь возле одной группы — делаю вид, будто встала там случайно, а сама выжидаю подходящего момента, чтобы вступить в разговор. Удобного случая никак не предоставляется. Несколько раз я пытаюсь вставить слово, но меня постоянно кто-то опережает. В итоге я просто открываю-закрываю рот, как вытасенная из воды рыба. Чувствую, что мною постепенно овладевает беспокойство, нервный узел в затылке бьет тревогу. Я изнываю от духоты. Хоть бы кто-нибудь приоткрыл окно!

Ко мне подходит опоздавшая девушка. В руках у нее два больших запотевших бокала с холодным белым вином.

— Держи. По-моему, тебе нужно выпить. Один бокал в день не повредит.

Она протягивает мне вино. Ее накрашенные ногти короткие и обгрызенные. На вид она совсем юная, а, может, это у нее просто лицо такое. Круглое, в ямочках, детское. Однако из-за того, что зубы девушки, в частности малень-